

ONDREJ MARCHEVSKÝ

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3951-7053>

Прешовский университет в г. Прешов, Словакия

**ДОСТОЕВСКИЙ, КАНТ, ГОЛОСОВКЕР —
ТРЕУГОЛЬНИК КРИМИНАЛЬНОГО ДЕТЕКТИВА**

DOSTOEVSKY, KANT, GOLOSOVKER - CRIME TRIANGLE

Greats of world thought, such as Dostoevsky and Kant, are often the subject of research. The subject of research is their life, selected issues, separate works. Rarely do they become heroes of works that go beyond their legacy or confrontation with other thinkers. It is precisely this, indeed non-traditional approach, that the presented text deals with. It is initiated by the work of Yakov Emanuelovich Golosovker *Dostoevsky and Kant*. Golosovker is not an author who consistently reflects the work of these thinkers. He is a thoughtful and systematic author who, through Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov* and the antithetical Kant of the *Critique of Pure Reason*, creates a narrative close in nature to the war crime drama. In the paper, both the intention and the implementation, the procedural side of its fulfillment, becomes the subject of critical assessment. The text points out the motivations of the author's approach, but above all assesses the (in) suitability of his grasp of the original work of both thinkers.

Тут Антитезис с Тезисом борется, а поле битвы — роман Достоевского
Яков Еммануелович Голосовкер¹

В подмосковных разговорах в Малаховке один из авторов *Беседы о вечном и бренном*², близкий мне человек, выразил свое глубокое убеждение в том, что чтение романа Достоевского *Преступление и наказание* как романа криминального, является знаком некультурности и духовной мелкости.

¹ Я. Э. Голосовкер, *Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума»*. Издательство академии наук СССР, Москва 1963, с. 82. Ссылка на роман *Братья Карамазовы*.

² А. А. Лагунов, Нижников, С. А. *ФИЛ — и — СОФ. Беседы о вечном и бренном*, Инфра-М, Москва 2012. Моим собеседником и автором приведенного примечания был Сергей А. Нижников.

Держа в руках работу Якова Эммануиловича Голосовкера (1890–1967) *Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом „Братья Карамазовы”* и трактатом Канта *Критика чистого разума*, я задаюсь малаховским вопросом: возможно ли понимать толкование отношения Достоевского к Канту как проявление духовной мелкости? Толкование с фабулой, похожей на ту, которую предлагают, например, Марек Краевский или Марчин Вроньский³.

Данный вопрос возник не только в связи с «Малаховкой», но и в связи с другими «уголками» России. Он возник не только на основе неформальных дискуссий в коллегиальной атмосфере, он основан также на другом систематическом и критическом изучении творчества Голосовкера: «Все сочинения Голосовкера связаны единым методом мышления, который сам автор определяет как синтез философского, психологического и духовного: они дополняют и помогают друг другу»⁴. Эту характеристику, которая открывает расположение духа мыслителя, можно функционально дополнить собственными словами русского мыслителя, раскрывающими еще один программный аспект его творческого подхода — его литературность: «мой метод: прерывать основной тон изложения, вставляя главы и главки в фоне философского дневника или якобы лирического отступления, или в виде других вольностей мысли, никогда не теряя из виду основного».⁵ Для лучшего понимания интенций русского автора заслуживает внимания также его личное восприятие самого себя в пространстве философии:

Я философ-систематик от начала до конца, но при той особенности, что я прибегаю не к непрерывно последовательному развитию основной мысли, а к углублению мысли, беря ее с разных неожиданных сторон — и сверху, и снизу, и сверля ее, и хватая ее с полета⁶.

³ См. М. Krajewski, *Festung Breslau*. Wydawnictwo W.A.B, Warszawa 2006; М. Wroński, *A na imię jej będzie Aniela*. Wydawnictwo W.A.B, Warszawa 2011.

⁴ В. Белоусова, *Творчество Якова Голосовкера в контексте русской и западноевропейской культуры*, «Studia Rossica Posnaniensia» 2012, Vol. XXXVII, с. 26.

⁵ Цит. по: Н. В. Брагинская, *Об авторе и книге // Я. Э. Голосовкер, Логика мифа*, Наука, Москва 1987, с. 195. Н. В. Брагинская ссылается на заметки Голосовкера, написанные им в форме писем, точнее, на заметки с названием *Некоторые указания на мой метод*, которые она относит к 1960 году, но не приводит никакого конкретного источника (напр., фонд частного собрания или архивный фонд), связанного с самим Голосовкером.

⁶ Там же.

С нашей точки зрения, Голосовкер не кажется систематиком в таком смысле, что он создает определенные большие идейные системы. В данном случае речь идет о систематичности как углубленной и проницательной переоценке и разработке разных деталей с разных точек зрения. Но это иногда приводит к спекулятивности и лишней сложности его рассуждений, точнее, формулирования собственных взглядов, собственного творчества. В тексте, являющемся предметом нашего исследования, такого рода усложнения связаны как раз с мотивами первой *Критики* Канта.

Творческий подход Голосовкера подчеркивает ограничения логической аргументации, которая является ненадежной базой исследования, и поэтому ее необходимо проверять психологией. В связи с характером своего подхода он добавляет:

Сперва давать сгустки мыслей: как тезисы, как афоризмы, как постулаты. Затем раскрывать их, излагая логически упорядоченно. И наоборот: сперва давать предварения, иногда даже несколько предварений в разных разделах или же отдельные предварения — к целому и к частям сочинения. А затем давать самостоятельные главы. Стремиться к тому, чтобы каждая часть, даже каждая глава были самостоятельным законченным целым-опусом. Иногда начинать главу с тематического заголовка в строку, выделяя мысль курсивом, чтобы облегчить читателю схватить смысл⁷.

В связи с намерением создавать самостоятельные законченные высказывания необходимо подчеркнуть, что они присущи произведению, которое интересует нас прежде всего, т.е. *Достоевский и Кант*. Также необходимо отметить, что это происходит за счет непоследовательности информативной стороны книги в целом. Здесь можно вспомнить мотив, выраженный следующим образом: «Только читателю следует помнить, что Тезис и Анти-тезис у Канта — философы. Анти-тезис — чистый эмпирик, а Тезис — догматик»⁸. Это является одним из моментов в подходе Голосовкера, где можно заметить такие выраженные идеи и формы высказывания, которые автор дальше не развивает, хотя они являются частью его истории, часто даже драматического нарратива, в конце которого «хочет положить перед читателем торжествующий автор Достоевский: труп Анти-тезиса»⁹. Он стано-

⁷ Там же.

⁸ Я.Э. Голосовкер, *Достоевский и Кант*.... с. 49.

⁹ Там же, с. 43.

вится неотъемлемой частью как бы криминального детектива, которая наводит читателя на «ложный след» Антитезиса.

То, почему его можно считать следом, а не результатом «расследования», и в чем состоит его ложность, станет основным мотивом нашей статьи, ее целью. В рамках ее осуществления частичной задачей мы будем считать объяснение мотива антиномии как приема, формирующего драматизм рассуждений Голосовкера. Впоследствии мы объясним характер Антитезиса и (не)релевантность его понимания Голосовкером по отношению к антитетике Канта. Такой подход дает возможность открыть след не только для собственной презентации Голосовкера как мыслителя и писателя.

АНТИНОМИИ КАК ДРАМАТИЗИРУЮЩИЙ МОТИВ

Для того чтобы фабула была понятной, необходимо объяснить роль Канта в этих размышлениях и его позицию по отношению к роману Достоевского так, как это понимает Голосовкер.: «Откуда и куда бы ни шел мыслитель по философской дороге, он должен пройти через мост, название которому — Кант»¹⁰. Творчество Канта для него «одно из семи чудес умозрительно-го конструктивизма»¹¹. Как мы покажем, как раз личный творческий подход, изложение по образцу самого Голосовкера для определения отношения *Достоевский и Кант* будет здесь преимущественным и преобладающим.

В специфическом «Послесловии», которое, в принципе, является «Предисловием», мы встречаемся с интерпретацией, которая в конечном итоге выявляет внутренние противоречия. С одной стороны, Голосовкер внушает нам пронзительный интерес Достоевского к Канту. Страстный интерес Достоевского к чтению *Критики чистого разума* он подкрепляет тем, что в письме брату Михаилу Достоевскому от 22 февраля 1854 года Федор Достоевский упоминает, что *Критика чистого разума* пришла ему как нельзя кстати. Но по поводу того же письма Голосовкер добавляет:

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ Там же.

Кант — не только немецкий философ Кант. Кант репрезентирует в романе европейскую философию вообще, особенно критическую философию, и с ней вступает Достоевский на страницах романа в сознательную борьбу, ведя одновременно бессознательную борьбу с самим собой¹².

Возможно, точнее было бы сказать, что он является всего лишь этим символом, а не Кантом как таковым. Дополнение Голосовкера относительно борьбы с самим собой, связанное, естественно, с Достоевским, звучит очень неопределенно. Так же, как и следующее доказательство «присутствия» Канта в незаконченном романе Достоевского: «Намек на *Критику чистого разума* в романе дан: самое враждебное и едкое слово, испещряющее роман, — это критика»¹³. Но это, кажется, противоречит утверждению в другой части этого послесловия, которое, собственно, является предисловием, о том, что Кант является символом. Нам кажется, что к такому прочтению *Критики чистого разума* Достоевского «подтолкнул» Голосовкер.

Можно заметить, что здесь могут быть и другие влияния. Дело в том, что в вышеупомянутом письме Достоевский пишет также о необходимости произведений других философов, например, Вико или Гегеля. Нам не хотелось бы быть саркастическими, но, если бы эти свои утверждения Голосовкер представил уже в самом начале своей работы, где они и должны были находиться, он раскрыл бы свои карты настолько, что часть его читателей была бы довольно разочарована. С Голосовкером произошло бы то же самое, что произошло с Краевским и его криминальным детективом *Widma w mieście Breslau*¹⁴, где бессмысленная кульминация отрицает все повествование и завязку, что разочаровало большинство читателей. Если бы читатель увидел завязку произведения, он бы его, наверно, и не начал читать. Но причиной этого не было бы обнаружение, что *убийца садовник*.

В случае с Голосовкером можно было бы прийти к заключению, что дело связано не с конфронтацией Достоевского и Канта, но с конфронтацией метафизических взглядов Голосовкера и символа, или, точнее, драматизированной *Иллюзии Канта* и сцены, созданной романом Достоевского. Именно таким образом можно было бы определить платформу, на которой могли бы выделяться собственные рассуждения Голосовкера.

¹² Там же, с. 96.

¹³ Там же, с. 97.

¹⁴ М. Krajewski, *Widma w mieście Breslau*, Wydawnictwo W.A.B, Warszawa 2005.

Насколько Достоевскому, по Голосовкеру, *подходила* первая критика, можно вычитать из объяснения названия, то есть того, что автор назвал свое произведение не *Кант и Достоевский*, а *Достоевский и Кант*:

Речь в ней идет не о воздействии на Достоевского целокупного учения Канта, а только о *Критике чистого разума* и о писателе-мыслителе Достоевском, как о читателе этого труда Канта, — именно о том, как читал Канта Достоевский¹⁵.

Основополагающую позицию занимает следующее утверждение: «Достоевский не только был знаком с антитетикой *Критики чистого разума*, но и продумал ее»¹⁶. Именно это «продумывание» и является исключительным продуктом Голосовкера и определяет характер всего его труда. Дело в том, как нам кажется, что именно Голосовкер является тем, кто это конкретное «продумывание» и осуществляет. И делает это настойчиво драматическим образом.

Продуктом этой надстройки Голосовкера с большой мерой вероятности является утверждение, прямо связанное с работой Достоевского с Кантом: Достоевский

[...] сделал Канта, или вернее антитезис его антиномий, символом всего того, против чего он боролся (и в себе самом, и с противниками) как писатель, публицист и мыслитель. Более того, он сам вступил в поединок с Кантом-антитезисом¹⁷.

Но вопрос вызывает то, до какой степени этот спор является спором, придуманным самим Голосовкером. Мы позволим себе утверждать, что эта степень была существенной, и даже исключительной. Таким образом мы сможем лучше понять задачу Голосовкера: «Наша задача пока одна: раскрыть Канта, как противника Достоевского в романе *Братья Карамазовы*»¹⁸. Он приводит ее как задачу предварительную, но нам она кажется задачей определяющей, она является тем следом, который поможет раскрыть причины смерти Антитезиса. Также нам кажется, что более точным выражением для инициативы Голосовкера

¹⁵ Я.Э. Голосовкер, *Достоевский и Кант...*, с. 99.

¹⁶ Там же, с. 38.

¹⁷ Там же, с. 38–39.

¹⁸ Там же, с. 41.

будет не «раскрыть», а «создать» поединок между Достоевским и Кантом.

Квинтэссенцией замысла Голосовкера, протекающего из непреодолимого желания и убеждения, является криминально-драматическое и психологическое рассуждение о *неистовстве черта* в романе Достоевского. Неистовство, которое приводит к смерти старика Карамазова, т.е. Федора Павловича. Как раз здесь в своем эссенциальном виде проявляется способность Голосовкера видеть и разрабатывать избранный мотив с разных точек зрения и в ряде причинно-следственных связей. Это пример голосовкерской творческой систематичности в виде углубленного мышления. Здесь он создает завязку, разные версии «расследования», представляет следы, проверяет их на ложность, секретность. Если бы это был замысел Голосовкера и если бы он здесь не создавал Канта, перед читателем возникла бы замечательная литературная форма, которой нет равных. Он увлекательно работает с напряженностью, воплощенной в образе Ивана Карамазова: «И Смердяков, и черт — оба они неотделимы от Ивана»¹⁹. Свою творческую деятельность он основывает на одной из самых известных идей романа: «все позволено», которая, по Голосовкеру, прямо исходит из антиномии, причем оппозицию к этой идее можно заметить в концепте *опыта деятельной любви*, которая развивается в образах Зосимы и Алеши²⁰. Но найти последовательную причинную связь между антиномиями Канта и посланием Голосовкера очень сложно и прямо в тексте ее прочесть невозможно. Мы опять могли бы указать на мотив «трупа Антитезиса»²¹, чтобы усилить понимание самого интереса Голосовкера.

Необходимо подчеркнуть, что для решения этой проблематической ситуации он выбирает неадекватное средство — первую критику Канта, неадекватным, вводящим в заблуждение образом работает с посланием данного романа Достоевского, что усиливается также утверждением: «антитезис отнимает всякую силу у морали»²². А именно в области морали проблема Голосовкера еще углубляется. Это происходит тогда, когда он пытается размышлять о моральных последствиях. Здесь первая крити-

¹⁹ Там же, с. 20.

²⁰ Более конкретно Голосовкер занимается этим на с. 54 своего трактата.

²¹ Там же, с. 43.

²² Там же, с. 49.

ка является действительно слабой текстовой базой для оценки или порицания кантовского учения. Это усилие Голосовкера, т.е. переход на уровень кантовской практической философии без ссылки на основные рассуждения Канта в данной области, можно увидеть в экземплярной форме в главе VII *Вердикт без вины виноватых*. Голосовкер здесь работает с понятием императива в сочетании с вопросом морали и свободы действия, которая определяется разумом, но «перелинковки» на ключевое учение об антиномиях здесь (совершенно) отсутствует. То же самое можно заметить и на странице 69 в VIII главе и странице 71 в IX главе. Их объединяет один вопрос: о каком категорическом императиве, или же о какой его формулировке здесь Голосовкер говорит и с какой целью? Но ответа у русского автора, критика Канта, читатель не получает, и не получит его на протяжении всего текста. Можно сказать, что это один из тех моментов, когда Голосовкер преподносит свою идею в виде частичного рассуждения, которое не имеет ни продолжения, ни завершения.

Пределы голосовкеревского понимания образа Ивана Карамазова приоткрываются таким образом:

Иван Федорович Карамазов — как ни прозвучит это парадоксально для читателей — не только герой романа *Братья Карамазовы*, но он еще и мыслитель — диалектический герой Кантовых антиномий²³.

Иван Федорович становится примером уничтожительного воздействия обстоятельств, которые Голосовкер называет «естественной и неизбежной Иллюзией разума»²⁴. Позицию русского автора дополняет его утверждение:

Но если Иван Федорович стал жертвой этой чудовищной Иллюзии разума, то ее жертвой сделал Ивана не Кант, а автор романа Достоевский при помощи Канта, чтобы сокрушить Канта²⁵.

А на самом деле это Голосовкер уничтожает Канта. Это можно воспринимать как следующий определяющий аспект его работы, более яркий, чем тот, который связан с его пониманием Канта как соперника Достоевского (с. 41). Это позволило бы сформулировать возражение о несоответствующей и выбороч-

²³ Там же, с. 34.

²⁴ Там же, с. 63.

²⁵ Там же, с. 64.

ной сосредоточенности Голосовкера не только на первой критике, но и на данном романе Достоевского. Дело в том, что чрезмерная раскрепощенность разума, роль разума в уничтожении человека, и не только на эпистемологическом уровне, показана Достоевским и в *Записках из подполья*.

Наша оценка Голосовкера усилена еще следующими двумя ультимативными оценками. Одной из них является идентификация причин насильственной смерти старика Карамазова, которые невозможно найти «ни в каком ином месте, как в *Критике чистого разума* Канта»²⁶. Во втором случае это «сведение счетов» с Кантом: «А поскольку антитезис в романе есть черт, то совесть в лице Ивана расправилась разом и с чертом и с Кантом»²⁷. Мы хотели бы заметить, что с Кантом как чертом.

С нашей стороны уже несколько раз прозвучало, что создателем спора и всех драматических ситуаций является сам Голосовкер, а делает он это преднамеренно. Для формирования нашего убеждения довольно важную роль играет следующее утверждение, появляющееся в сноске: «Мы различаем авторский план романа, т.е. смысловой, и читательский, т.е. фабульный. По авторскому плану романа убийца старика Карамазова — черт, а не Смердяков»²⁸. Авторский в данном случае значит скорее автора Голосовкера, нежели Достоевского. Надеемся, что поддержкой нашей оценки послужит следующее рассуждение о разработке Голосовкером антиномики Канта.

АНТИНОМИИ КАНТА И АНТИНОМИЯ ГОЛОСОВКЕРА

Название этой части нашего текста является выражением интерпретационного убеждения, что предметом подлинного интереса Голосовкера не является ни антиномика Канта, ни даже все четыре антиномии чистого разума, его интересует лишь одна из них, причем в такой форме, которую он формулирует, так сказать, по образу своего учения.

Мощным импульсом для уже намеченного нами подхода является оценка Голосовкером характера антиномий как таковых:

²⁶ Там же, с. 13.

²⁷ Там же, с. 70.

²⁸ Там же, с. 24.

Эта коварная конструкция из четырех качающихся коромысел и есть четыре знаменитые антиномии кантовской *Антитетики* из второй книги *Трансцендентальной диалектики* его многопланового труда *Критика чистого разума*. Это — те парные диалектические утверждения, сформулированные как тезис и антитезис, которые опыт — по мнению Канта — ни подтвердить, ни опровергнуть не может и с которыми разум якобы бессилён расстаться²⁹.

Она является импульсом, потому что удивляет своим представлением антиномий как проблематики, которая в учении Канта стоит без каких-либо обоснований, как будто бы она была единственным предметом интереса Канта. Как будто бы Голосовкер забывает, что «когда мы применяем разум к объективному синтезу явлений [...], мы [...] сталкиваемся с новым феноменом человеческой разума, а именно с совершенно естественной антитетикой».³⁰ Он как будто бы отказывается брать во внимание ясно сформулированные декларации Канта о том, что

[...] антиномия чистого разума показывает трансцендентальные основоположения мнимо чистой (рациональной) космологии не для того, чтобы признать их состоятельными и усвоить их, а — как это видно уже из названия противоречия разума — для того, чтобы изобразить их как несогласующую с явлениями идею в ее сияющем, но ложном блеске³¹.

Голосовкер представляет эти размышления, не учитывая их присутствия в других систематических и творческих размышлениях Канта в рамках первой *Критики*, не говоря уже о других произведениях. Он забывает, или намеренно вытесняет, кантовские положения, как, например, вот это:

когда мы переходим к динамическим понятиям рассудка, поскольку они должны сообразоваться с идеей разума, это различие становится важным и открывает нам совершенно новую возможность решить спор, в котором запутался разум; прежде этот спор отвергался как основанный с обеих сторон на ложных предпосылках³².

Это поражает тем более, что он использует очень точную необозначенную парафразу из *Критики чистого разума*: «Эти антиномии создают диалектическую арену для борьбы, в которой

²⁹ Там же, с. 36.

³⁰ И. Кант, *Критика чистого разума* // И. Кант, *Собрание сочинений в 8 т.*, т. 3, ЧОРО, Москва 1994, с. 324.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 407.

всякий раз побеждает та сторона, которая нападает, и терпит поражение та, которая обороняется»³³. Но как раз таким образом Кант приводит читателя к необходимости определить свою позицию по отношению к данной проблематике.

Не менее «интересным» является откровенное утверждение Голосовкера, который говорит об отношении Канта к антиномиям. По мнению русского мыслителя, Кант «считает спор антиномий пустым делом и предмет спора пустым призраком»³⁴, но одновременно он добавляет, видимо, с целью включить Канта в процесс своих рассуждений и своей интерпретации силы духовного послания Достоевского, что Кант «считает себя в силах разрешить все это недоразумение примирением антагонистов друг с другом»³⁵. Но Кант с его рассуждениями об антиномиях в понимании Голосовкера производит впечатление кощунства, обреченного на провал, и приводит к *Иллюзии разума*, которая развязывает неистовство черта:

Но если бог и черт одновременно и выдуманы (так утверждает Иван), и существуют, и необходимы (так утверждает черт), значит, их выдумал разум, выдумал по необходимости, значит, они и есть все те же неустрашимые идеи разума — тезис и антитезис³⁶.

То, что и бог, и черт являются результатом действия разума — чрезвычайно дерзкое утверждение со стороны того, кто стоит на позиции христианской духовности, и оно абсолютно неадекватно по отношению к Канту. Если эти размышления и имеют какое-либо значение, то, видимо, лишь как точка зрения Голосовкера. Но относительно этой потенциально допустимой позиции необходимо отметить, что она не использует преимущества текста для того, чтобы появиться в виде автономной мысли Голосовкера, направленной к его читателям. Она искалечена неадекватными ссылками на Канта. Этот абсурд эскалирует продолжением голосовкерских рассуждений в другом месте текста:

³³ Я. Э. Голосовкер, *Достоевский и Кант...*, с. 38. Подлинное звучание: «Эти умствующие утверждения открывают, следовательно, диалектическую арену для борьбы, где всякий раз побеждает та сторона, которой позволено начать нападение, а терпит поражение, разумеется, та сторона, которая вынуждена только обороняться» (Кант 1994, 334).

³⁴ Я. Э. Голосовкер, *Достоевский и Кант. ...*, с. 38.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, с. 77.

Значит, прав Кант и надо только перестать раскачиваться на антиномическом коромысле, переходя, как Иван Федорович, попеременно от бога к черту, и от черта к богу, и разрешить антиномии, примирив их друг с другом, т.е. снять их мнимое противоречие?³⁷

Изображаемое неистовство может остановить Достоевский. Поэтому не удивляет оценка, характерная для нарратива Голосовкера: «Формула же старца Зосимы „всяк за всех и вся виноват”, как теза религиозной морали, всеобщего греха — есть формула Тезиса, ибо тезис — краеугольный камень религии»³⁸. Приведенное утверждение мы вместе с тем воспринимаем как один из основных аргументов, поддерживающий нашу вступительную установку, а именно, что, если Голосовкер и проявляет интерес к какой-нибудь из антиномий Канта, то это четвертая антиномия, которая потенциально говорит о Боге. Кант

Тезис: К миру принадлежит или как часть его, или как причина безусловно необходимая сущность», [...] «Антитезис: Нигде нет никакой абсолютно необходимой сущности — ни в мире, ни вне мира — как его причины»³⁹.

Хотя Голосовкер и приводит в отрывке из *Критики чистого разума* подлинное звучание четырех тезисов и антитезисов, более существенным является тот вариант этой четвертой антиномии, который он формулирует в отношении к роману *Братья Карамазовы*: «4. Есть ли бог и творец мира?⁴⁰ Нет бога и твор-

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 59.

³⁹ Там же, с. 40. В варианте текста *Критики чистого разума* Канта, с которой мы работали и на которую мы ссылаемся, эти части были на страницах размещены ошибочно. Тезис находился на странице 360, а антитезис на странице 354. Поэтому мы решили привести формулировку по Голосовкеру, которая тождественна русскому переводу Николая О. Лосского. Голосовкер пользуется 2-м изданием 1915 года.

⁴⁰ В подходе Голосовкера скрыт еще один сомнительный момент формально-логического характера, или также приписываемый теории речевых актов. Он связан с формулировкой тезиса и антитезиса в форме вопроса. Проблема состоит в том, можно ли воспринимать вопрос как тезис или же как антитезис? С точки зрения формальной логики это было бы неприемлемо. Связано это с тем, что с точки зрения формальной логики вопрос нельзя считать высказыванием. Дело в том, что по меньшей мере довольно проблематично придавать вопросам — хотя лишь предположительное — значения истинности, из которых потом можно было бы рассматривать истинность или ложность высказываний, например, в отношениях контрадикторности или

ца мира?»⁴¹ Такое абстрагирование представляет собой один из превосходных примеров деформации Голосовкером учения Канта и Достоевского при создании своего драматического трактата.

Драма с философским оттенком и криминальной фабулой приводит к «развязочному» утверждению: «сам Иван для автора вовсе не антитезис (наука). В нем, в Иване, есть вторая сторона — бессознательный тезис (религия), и для автора Иван и есть именно такой бессознательный тезис»⁴². Развязка в драме своими философскими импликациями заметно похожа на патерналистические критические заметки Льва Лопатина⁴³ начала XX века. Они кажутся еще более конкретными в связи с Кантом в последней, XI главе, в которой Голосовкер пишет:

контрарности, т.е. в отношениях, которые для осуждения антитетики Канта (как мы позже покажем) предстают как соответствующие и допустимые оценки. Если Голосовкер исходит из какого-нибудь альтернативного вида логики, которая допускала бы, что вопросы и приказы представляются при помощи одинаковых конструкций как пропозиции (или он допускал вопросы как высказывания определенного языка), то он об этом не сообщает. По нашему мнению, это не случай такой альтернативы.

⁴¹ Я. Э. Голосовкер, *Достоевский и Кант...*, с. 39.

⁴² Там же, с. 73.

⁴³ Необходимо указать на параллель между результатами Голосовкера и Льва Лопатина: Л. М. Лопатин, *Учение Канта о познании*. // А. И. Абрамов, В. А. Жучков (ред.), *Кант: pro et contra*, Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, Санкт-Петербург 2005, с. 484–497. Это патерналистическая критика, которая прозвучала во время лекции, прочитанной в рамках торжественного заседания Московского психологического общества в 1904 году, приуроченного столетнему юбилею смерти Канта. Лекция Лопатина прозвучала 28 декабря 1904 года. Лопатин, так же, как это связывает Голосовкер с Иваном Карамазовым, упрекает Канта в том, что он не открыл источник своего творчества, которым была также вера. В данном случае, как мы считаем, необходимо подчеркнуть, что речь идет не об осуждении, а, скорее всего, об определенном патернализме со стороны Лопатина, который пытается охранять послание Канта от возможной критики, связанной с нежеданием Канта прямо открыть свою веру. Критика Лопатина, собственно говоря, Канта охраняет. Лопатин даже предупреждает перед чрезмерным восхвалением Канта, которое он воспринимает как оскорбление чести и величия творчества Канта, заключающееся в изменении и мнимом искажении оригинального послания Канта в положения, которые для него не были характерны. Возможное кощунство мы, таким образом, воспринимаем как неадекватную критику Канта, которая реально не вредит его аутентичному учению, но критикует образ творчества Канта, созданный его комментаторами, в ряд которых можно включить и Голосовкера.

Кант как автор *Критики чистого разума*, чье имя ни разу не упомянуто в романе, оказался чертом, скоморохом-философом, который не знает — есть ли бог, хотя бога слышит в голосе своей совести⁴⁴.

Это можно было бы воспринять как очередное⁴⁵ из возможных пространств потенциально оригинальных и ценных творческих актов Голосовкера, ослабленных его довольно искусственно созданным нарративом и профессионально неадекватным редукционистическим подходом к подлинному творчеству Канта. Значительным недостатком кажется также его «привязанность» исключительно к *Критике чистого разума*.

Чтобы приблизить меру редукционизма Голосовкера, позвольте привести две заметки, которые указывают на более широкий контекст антитетики. То, что заметки Канта о логике не находятся лишь в первой критике⁴⁶, идентифицируют два автора из университета в Гейдельберге Петер Маклафлин и Оливер Шлаудт⁴⁷. Это дает им возможность исследовать антитетику

⁴⁴ Я. Э. Голосовкер, *Достоевский и Кант...*, с. 87.

⁴⁵ Говоря о конклюдиях голосовкерских творческих рассуждений, инициированных романом Достоевского и ищущих поддержку в *Критике чистого разума*, у нас есть возможность наблюдать, что это тоже происходит в одной самостоятельной линии, в соперничестве двух человек. Речь идет о линии, хорошо известной русской религиозной мысли (первый и второй Адам Владимира Соловьева), но это не было бы чуждым и творчеству Фридриха Ницше. Русский мыслитель рассуждает: «В романе — два новых человека: один — антипод другому и между ними вечный поединок не на жизнь, а на смерть» (Голосовкер 1963, с. 30). В последствии об этих новых людях он приводит уточнение, что в первом случае речь идет о человекобоге, которому все позволено, что это «человек-с-идеей» (там же). Его воплощением является Иван Карамазов со всей напряженностью. Второй «новый человек — это тот, о котором говорит Зосима (т.е. Алеша) и опять-таки Митя: это воскресный человек, который за вся и всех виноват [...]. Этот новый человек, очевидно, также заключен и внутри Ивана, потому что Иван из-за неповинно страдающего ребенка мира этого не принимает и от будущей гармонии отказывается» (там же, с. 31). Речь идет о стимулирующем размышлении, оригинальность которого, как нам кажется, заключается с интерпретации образа Дмитрия Карамазова. Это и есть одна из сфер/областей, уровней/рассуждений Голосовкера, которая могла стать доминирующей и полностью могла вытеснить искусственно драматическое реальное ядро произведений Достоевского и Канта.

⁴⁶ Они исходят из собрания сочинений, составленного М. Дж. Янгом, Young (ред.), *Immanuel Kant Lectures on Logic*, Cambridge University Press, Cambridge 1992.

⁴⁷ P. McLaughlin, O. Schlaudt, *Kant's Antinomies of Pure Reason and the Hexagon of Predicate Negation*, «Logica Universalis» 2020, № 1 (14), с. 51–67.

Канта посредством логического шестиугольника. Авторы с данной точки зрения указывают на то, что ключом к пониманию размышлений Канта является то, что доказательства как тезиса, так и антитезиса являются косвенными, или их можно считать апагогическими доказательствами. Они также подчеркивают, что кантовская позиция дает возможность с точки зрения логического шестиугольника рассуждать об отношении тезиса и антитезиса не как о контрадикторных, а как о контрарных явлениях, т.е. таких, которые допускают возможность неправдивости обоих утверждений одновременно. Такой взгляд на данную проблематику открывает для них возможность искать решения для исследования основных космологических вопросов.

На существенно более богатом библиографическом базисе подлинного творчества Канта строит свои актуализационные оценки проблематики антиномий чистого разума Садик Джалал Аль-Азм⁴⁸. Он реконструирует позиции Канта также из таких работ как *Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки* или по его переписке с Маркусом Герцем и Христианом Гарве. Таким образом он указывает на основной момент, который ускользает выборочному прочтению Голосовкера, т.е. на то, что проблематика антиномий оказывает ключевое влияние на формирование его критической философии. Аль-Азм также подчеркивает, что проблематика антиномий сыграла такую же роль в упомянутом определении направления рассуждений Канта и его исследований, как и аспекты философии Дэвида Хьюма. Поэтому они не должны обязательно приводить только к сумасшествию и бесовскому неистовству.

Само собой, мы можем привести и целый ряд других работ, но это не является нашей целью, поэтому мы ограничимся только этими двумя работами. Мы уверены, что такой экскурс достаточен для существенного усиления подозрения, что к проблематике антиномий Голосовкер подходит выборочно. Для Канта антиномии являются базовой проблематикой, направляющим стимулом, как это подчеркивает Аль-Азм, а не конечным результатом его размышлений, который должен был бы привести к какому-нибудь маразму постижения мира. Мотив антиномий таким образом становится всего лишь «фабулообразующим», драматизирующим изложение Голосовкера мотивом. Изложе-

⁴⁸ Al-Azm, *The Origins of Kant's Arguments in the Antinomies*, Oxford University Press, Oxford 1972.

ние с ключевой ориентацией на акцентирование исключительности и монументальности мышления Достоевского. Приводя это замечание, мы ни в коем случае не хотели бы ни коим способом преуменьшать значение и ценное наследие Достоевского. Мы выступаем только против редуцированного и вводящего в заблуждение голосовкеровского изложения.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ВОПРОСУ О ДУХОВНОЙ МЕЛКОСТИ

Хотя Голосовкер в заключительной части, т.е. в *Послесловии*, сравнивает свою работу с работой археолога, он скорее всего производит впечатление автора криминального жанра, т.е. несомненно автора истории с довольно неопределенным посланием.

Как уже было сказано, возможно, было бы приемлемо, если бы он представил свою концепцию и пытался ее целенаправленно проецировать на творчество Достоевского и Канта как возможные примеры. Может быть, тогда он прозвучал бы как оригинальный и вызывающий дискуссию мыслитель. Но он слишком постулятивен, даже ригиден.

Мы можем себе представить, что конфронтация современников и более поздних историков философской мысли и литературы с идеями, выступающими в личной спасительной позиции, могли навсегда похоронить его послание и могли привести к включению его творчества в воображаемый архивный фонд с названием «никогда больше не читать — наглая нелепость». Может быть, это парадокс, но, возможно, ему отчасти благоприятствует и тот факт, что его творчество до сих пор не было предметом какого-нибудь обширного исследования, что может увеличить интерес читателей к автору.

Но вопреки смешанным чувствам, которые частично отвечают воображаемому архивному фонду, мы и в дальнейшем остаемся верными работе с идеями этого русского автора. Нам кажется, что его наблюдения, указывающие на пределы строго рационального подхода к миру, дорогой ценой оплаченные изменения в жизни, являются чрезвычайно стимулирующими. Но все-таки, мы не можем избавиться от убеждения, что творческий дух этого русского автора выразительным образом приносится в жертву тем, каким образом автор революционно определяет самого себя в интеллектуальном дискурсе времени и каким на-

сильственным и, позволим себе сказать, в высшей степени искусственным образом закрепляет свои постулаты. Для нас он является отрицательным примером того, какую важную роль в презентации идей философа может сыграть форма этой презентации и способ, каким он включается в общественный дискурс, определяемый конкретной тематической областью.

При этом Голосовкер мог бы быть качественным автором и как философ, и как писатель. Его взгляды на *карамазовские напряженности* могли бы вторить тем, которые сформулировал, например, его современник Сергей Гессен (1887–1950). Мы имеем в виду прежде всего работу Гессена *Die Tragödie des Guten in „Brüder Karamasoff“*. Versuch einer Darstellung der Ethik Dostojewskis⁴⁹. Трактат, в котором Гессен предлагает рассуждение о трех сыновьях Федора Павловича Карамазова как о квинтэссенции трех форм добра. Дмитрий является воплощением добра в своей естественности. Воплощением определенного автономного добра, которое подлежит переоценке и размышлениям о характере добра, является Иван. Алеша представляет наивысшую форму добра в виде любви, которая не стоит в оппозиции к добру ни в его естественной форме, ни в автономной форме Ивана. Это трактовка, которая, по нашему мнению, не стремится подвергнуть сомнению основы этики в человеческом характере, в его естестве. Она также не ставит под сомнение тот факт, что этическое поведение требует осуждения и подлежит контролю со стороны субъекта, который принимает во внимание моральные обязанности, установленные реальными обстоятельствами действия и поведения. Рассуждение Голосовкера могло бы способствовать к этому его трактовкой подвига Мити или рассуждениями об Алеше, в тесной связи с образом старца Зосимы: «Не в тезисе видел Достоевский ответ, что Зосима-Алеша, как персонафицированный тезис, только теоретическое желание автора»⁵⁰. Тем самым героем становится Митя-Дмитрий Карамазов:

Тут не в тезисе или антитезисе суть, а в их вечном поединке, который и есть для Мити сочетанием секрета с тайной, который и раскрывает ему жизнь,

⁴⁹ S. Hessen, *Die Tragödie des Guten in «Brüder Karamasoff»*. Versuch einer Darstellung der Ethik Dostojewskis, «Der Russische Gedanke» 1929, № 1, с. 63–80. Или также S. Hessen, *Idea dobra w powieści «Bracia Karamazow»*. Z zagadnień etyki Dostojewskiego, «Przegląd Współczesny» 1929, 28 (82), с. 186–197, 28 (83), с. 478–491.

⁵⁰ Я Э. Голосовкер, *Достоевский и Кант...*, с. 83.

как трагическую inferнальную красоту. Суть в битве, а не в победе той или другой стороны, суть в вечной титаномании — в борьбе. И титаническая душа Мити восторженно приветствует и принимает эту жизнь⁵¹.

Голосовкер опять не забывает о боевом драматическом тоне и мотивах соперничества, борьбы. Он вводит то, что создает ложный след и камуфлирует его истинный замысел.

О каком замысле идет речь, мы точно определить не можем, но с уверенностью можно сказать, что суть его не заключается в самих упомянутых утверждениях Голосовкера. Это связано с чем-то другим, контуры чего мог бы нам объяснить мотив «*имагинативного абсолюта*», с которым можно встретиться в его *Фрагментах в Логике мифа*. Именно имагинативный абсолют есть то, что стоит над природным и культурным в человеке, определяет его, но не является ни природой, ни достоянием культуры. Может быть, это и есть то, что является источником криминального детектива, драматизм которого создают антиномии чистого разума Канта и положительным образцом решения которых является Достоевский.

Между прочим, ответ на *малаховский* вопрос таков: Нет! Он лишь избрал неудачный подход.

REFERENCES

- Al-Azm, Sadiq. *The Origins of Kant's Arguments in the Antinomies*. Oxford: Oxford University Press, 1972.
- Belousova, Vera. "Tvorchestvo Yakova Golosovkera v kontekste russoy i zapadnoevropeyskoy kultury." *Studia Rossica Posnaniensia*, 2012, Vol. XXXVII: 25–31 [Белоусова, Вера. "Творчество Якова Голосовкера в контексте русской и западноевропейской культуры" // *Studia Rossica Posnaniensia* 2012, Vol. XXXVII: 25–31].
- Braginskaya, Nina. "Ob avtore i knige." Golosovker, Yakov. *Logika mifa*. Moskva: Nauka, 1987: 188–206 [Брагинская, Нина. "Об авторе и книге." Голосовкер, Яков, *Логика мифа*. Москва: Наука, 1987: 188–206].
- Golosovker, Yakov. *Logika mifa*. Moskva: Nauka 1987 [Голосовкер, Яков, *Логика мифа*. Москва: Наука, 1987].
- Golosovker, Yakov. *Dostoyevskiy i Kant. Razmyshleniye chitatelya nad romanom Brat'ya Karamazovy i traktatom Kanta Kritika chistogo razuma*. Moskva: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1963 [Голосовкер, Яков, *Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом Братья Карамазовы и трактатом Канта Критика чистого разума*. Москва: Издательство академии наук СССР 1963].

⁵¹ Там же, с. 84.

ДОСТОЕВСКИЙ, КАНТ, ГОЛОСОВКЕР...

- Hessen, Sergey. "Die Tragödie des Guten in 'Brüder Karamasoff.' Versuch einer Darstellung der Ethik Dostojewskis." *Der Russische Gedanke*, 1929, no. 1: 63–80.
- Hessen, Sergiusz. "Idea dobra w powieści 'Bracia Karamazow.' Z zagadnień etyki Dostojewskiego." *Przegląd Współczesny*, 1929, no. 28 (82): 186–197, 28 (83): 478–491.
- Krajewski, Marek. *Festung Breslau*. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B., 2006.
- Krajewski, Marek. *Widma w mieście Breslau*. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B., 2005.
- Lagunov, Aleksey, and Nizhnikov Sergey. *FIL - i - SOF. Besedy o Vechnom i brennom*. Moskva: Infra-M, 2012 [Лагунов, Алексей, Нижников Сергей. *ФИЛ - и - СОФ. Беседы о Вечном и бренном*. Москва: Инфра-М 2012].
- Lopatin, Lev. "Ucheniye Kanta o poznanii." Abramov, Aleksandr, and Zhuchkov, Vladimir. Eds. *Kant: pro et contra*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Russkoy Khristianskoy gumanitarnoy akademii, 2005: 484–497 [Лопатин, Лев. "Учение Канта о познании." Абрамов, Александр, and Жучков, Владимир. Eds. *Кант: pro et contra*. Санкт-Петербург: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2005. 484–497].
- Kant, Immanuel. "Kritika chistogo razuma." Kant, Immanuel. *Sobraniye sochineniy v 8 t*. T. 3. Moskva: CHORO [Кант, Иммануил. "Критика чистого разума." Кант, Иммануил. *Собрание сочинений в 8 т*. Т. 3. Москва: ЧОРО 1994].
- Young, Michael. Ed. *Immanuel Kant Lectures on Logic*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- McLaughlin, Peter, and Schlaudt, Oliver. "Kant's Antinomies of Pure Reason and the Hexagon of Predicate Negation." *Logica Universalis*, 2020, no. 1 (14): 51–67.
- Wroński, Marcin. *A na imię jej będzie Aniela*. Warszawa: Wydawnictwo W.A.B., 2011.

Перевод Валерия Купки

The paper is an outcome of the research project VEGA 1/0280/18 Kant and Philosophy of History supported by the Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic.